

ПРОГРАММА РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ.

Под редакцией г-на Струве статья выходит из Штутгарта из легальной и легальной. После 3-х летней борьбы с революционными марксистами по ним берущимися за г-на Струве убрался, наконец, в лагерь либеральной буржуазии. Сметерно дорога!

Революционный пролетариат вынужден считаться с тем, что от времени до времени ныне захваченные волной его исторического движения интеллигенты отходят от него и перебегают в той политической лагерь, где общественному деятелю легче рассчитывать на неосуществление успеха его работы. И если бы эти перебежчики могли, уходя из либеральной буржуазии, сразу же перейти к революционной работе, то настроение, ту непреклонную ненависть к царизму, которой одушевлены сознательный пролетариат и социалистическая интеллигенция, то мы могли бы еще, пожалуй, мириться с фактами подобного дезертирства. Но сожаления, приходится констатировать, что бывшие оппортунисты социализма оказываются слишком упрямыми, слишком не-революционными даже для того, чтобы двинуть вперед развитие либерально-демократических элементов. Они не хотят переключиться г. Струве свое дело. Как литературный представитель либеральной партии — да, этому уже готовому, уже сошедшему сознанию литературное выражение — вот на что мы притязаем. Мы были бы вполне удовлетворены, если бы на нашу долю выпадал лишь роль регистраторов свободной политической мысли в России, если бы мы здесь, за рубежом, могли только предавать тишине идущие из России свободное слово, являясь его простыми набожными и ласковыми. И в другом месте: «Это не означает, однако, что революционная интеллигенция, содержащая в себе элементы, содержащую по пунктам, решение всех основных вопросов общественного для страны коренного преобразования. Такая программа должна быть еще выработана общественными деятелями нашей страны и, прежде всего, деятелями самоуправления. Не дать программу? Нет, получить ее от них — вот на что рассчитывает редакция „Освобождения“».

Мы хорошо знаем, что всякая буржуазия, хотя бы и трижды либеральная, по отношению к политическим „идеологиям“ к политическим интеллигентным представителям страны, которая является весьма строгим „хозяйником“, требующим, чтобы они были не больше, как „регистраторы“ ее свободной политической мысли, выражающей ее классовые интересы. Мы хорошо знаем, что экономическая необходимость или сила „общественного мифа“ данной страны являются достаточно могучими средствами, чтобы достигнуть этой цели и превратить идеологию в простую „регистратуру“, в простую „курьерскую“ (полюшников) на службу буржуазии. Но об этом не нужно говорить. Напротив, интеллигентный вид, будто бы, что интеллигентная политическая мысль буржуазии, выходит из под пера писателя или из уст оратора, как свободное выражение его собственной политической мысли... Быть может, своеобразность положений г-на П. Струве, как вчерашнего марксиста, дала необычайные особые с его стороны гарантии того, что его политическая мысль совпадает с классовыми интересами... то быть, с свободной политической мыслью того класса, на службе которому они ныне отдаются свои труды, свои знания и свои таланты.

В статье „От русских конституционалистов“ мы на одном из политических программ, которую г-н Струве „получает“ от русской „демократической партии“, как выражается о себе автор статьи. Г. Струве „всесторонне присоединяется“ к этой программе. Два пункта „демократии“ в 1-м и 2-м № № дополняют эту программу и дают нам возможность составить себе довольно полное представление о характере нового литературно-политического предприятия.

Остатки наших оптимистических взглядов, заимствованных из „конституционалистов“, заключаются в том, что мы предполагаем объединить те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе.

Итак, либералы намерены в мирное оставаться вне сферы революционной борьбы. Не повеле либеральной буржуазии на путь революционной борьбы против царизма, а оставить ее на том пути не-революционной оппозиции царизму, на котором она находится в настоящее время. Но тут, не давая либеральной буржуазии вперед, держат ее на одном месте, — вот идея „демократической партии“.

Мы вовсе не желаем поврать с той мирной и легальной деятельностью, на почве которой мы, по мнению наших сотоварищей, работаем до сих пор, говорит редакция №2 „Освобождения“, а г. Струве в редакционном заявлении с большими усердиями защищает эту позицию от критики тех „тенденциозных“ социалов, которые думают, что мирная и легальная культурная деятельность не есть еще та политическая борьба с царизмом, которая является объективно всякого русского гражданина. „Таким движением“, говорит г. Струве, нельзя назвать, в качестве объективного средства, приемы и приемы только для отдаленных крайних групп, нельзя ипнать взглядом и настроением, которыми мы в этом и обещаем не может проникнуться“ (курсив наш). Выходит, что мы „глаголом жечь сердца“ российских обывателей, впадая в то, что борьба с „национальными врагами“, царизмом, требует „подготовки“ и героических настроений, вместо этого мы вынуждаем, что „выше баша уши не растут“ и что только „отдаленные крайние группы“ могут стать выше „наших“ „тенденциозных“ и легальной работы в существующих условиях, может быть позволительно заставить их в трусости, полноте и эгоизма. Наши „критики марксизма“ и бернштейнщины много старались о том, чтобы привить нам, социал-демократам, такое мнение о правь рабочей массы оставаться вечно в этом состоянии политического младенчества. Наш пролетариат отказался от этой почетной позиции. Неужели г. Струве будет, быть больше успеха с той же проповедью, обрамленной мыслями масс либеральных сочувственников?

Каждая же политическая партия, если она так или иначе открещивается от задачи самостоятельной политической (т. е. при современных русск. условиях — революционной) борьбы? Ни одним словом „Освобождение“ не дает нам оснований думать, чтобы этой задачей было — содействие революционной борьбе уже ведущейся, т. е. борьбы рабочего класса, борьбу учащейся молодежи или загорающейся борьбы крестьянства. Задача новой партии — организовать политическое ядро, ядро и сильное своей сознательностью и самостоятельностью общественное мнение. Но как же быть тогда с задачей организации общественного мнения? На этот вопрос не отвечает наша статья „от русских конституционалистов“. Многочисленные признаки показывают, что разложение нашей государственной формы идет быстрыми шагами вперед.

Революционное брожение в „нижних слоях населения“, широко развившееся рабочее движение, студенческие беспорядки, террористические факты и крестьянские бунты — все эти акты и явления на самодержавие должны, по мнению наших либералов, вызвать правительство, „присутствие к серьезной политической реформе“ для этой цели обратиться к земству. И вот роль „организованного общественного мнения“ либеральной собственности сводится к тому, чтобы подготовиться к этому важному моменту и наметить программу действий для этого момента. Другими словами, либералы организуются не столько для борьбы с царизмом в настоящее время, сколько для переговоров с царизмом в такое время, когда по-литии, под влиянием ужаса перед рабочим движением и другими революционными силами, станет думать о „серьезной политической реформе“. Какая же условия поставить в этот момент наша либералы?

Они потребуют „принципиального признания“ (путем парламентского манифеста) целого ряда перечисленных ими „основных прав“: свободы печати, собраний и союзов, личной неприкосновенности, равенства перед законом и права петиций. Когда царский манифест даст народу эти права, отбросит всякие незаконные административные распоряжения и даст amnesty осужденным за государственные преступления, тогда, признавая эти принципы „бессловесное народное представительство“ должен сосвать представителей от земств и крупных городов, которые и поручат вопрос о проведении в жизнь всех вышеперечисленных принципов, т. е. выработать конституцию.

Итак основная задача „земской политической партии“ до, достаточно ясно: когда революция, движение расшатает царизм, она выступит с требованием, чтобы ликвидация этого царизма и определение основ нового свободно-конституционного порядка было поручено никому иному, а представителям земств и городских дум, т. е. наиболее части земельных собственников и капиталистов. Стало быть, отказываясь принять участие в борьбе, направленной непосредственно на разрушение ненавистного всем порядка, наша либеральная буржуазия больше всего опасается того, как бы сдаться, чтобы было установлено нового порядка досталося чужим и ее руки. Мы очень хорошо понимаем, что стремление либеральной буржуазии. Для нас очевидно, что ликвидация царизма и установление нового, направленного против царизма, она была бы охотно подготовила свои силы для классовой борьбы против тех социальных групп, которая добивается свержения самодержавия, чтобы установить новый политический порядок с наибольшей выгодой для их интересов. Конституционалисты пытаются организовать либеральную буржуазия не столько для борьбы за низвержение самодержавия, сколько для того, чтобы приготовить ее к борьбе за право безраздельно хозяйничать в России после победы народа над самодержавием.

Г-н Струве скажет, что это — клевета. Он указывает на то, что „конституционалисты“ мотивируют необходимость передачи дель выработки нового политического порядка земским интересам... свободой. Они заявляют, что предоставит выработку этого нового порядка какому-либо избранному для этого специально собранию — вот земских собраний — прямо-таки опасно. Кто будет созывать собрание? То же самое — все еще самодержавное правительство... Но „создать канцелярским путем“ какие бы то ни было новые избирательные комиссии для выборов общественного мнения, призванных осуществлять реформу, значило бы начать с нарушения одного из самых основных принципов реформы. Конституционалисты готовы признать, что собрание представителей земства может оказаться недостаточно демократичным, но... во всяком случае, такой путь влечет и лучше, чем тот, „скажем в неизвестность“, который представляла бы всякая попытка выборов „ad hoc“, ведь неизбежны в таких случаях „предвзятые“ заявления и при этом — определенная настроенность и пристрастия к из политической жизни общественных слоев“ (курсив наш). Итак, „Освобождение“ полагает, что для дела свободы надежнее будет отдать реформу в руки земства, так как кроет него на деле будут только два фактора: опытный в политических инстинктах бюрократизм и „неприличные к политической жизни“ народные массы. Так ли это, однако? А где же будет организованная сила революционных партий — авангард народных масс? Неужели существование этих партий, которые и не признают в самодержавии, модернизма, будет меньшей гарантией свободы выборов, чем какую представляет наша земства, отказывающаяся вести активную борьбу с царизмом, чтобы не сойти с почвы легальной и мирной деятельности. Мы полагаем, что в революционный период — т. е. в период выработки нового политического порядка единственно-надежной гарантией против обмана и насилий реакционеров может быть только сознательность народных масс и организованность и решительность тех партий, которые и в организации и в решительности тех партий, которые вынуждены на своих плечах дело освобождения. И вот, что серьезно заботится о том, чтобы политический кризис, переживаемый Россией, разрешился не новыми правительственными обманом, а действительным политическим переворотом, тот должен, во 1-х, содействовать политическому сознанию народных масс, а, следовательно, развитию в этих народных массах интереса к политической свободе, а во 2-х, — содействовать усилению тех, непосредственно борющихся с самодержавием, революционных сил, которые своими натиском свалит самодержавие.

А между тем, наши конституционалисты не делают ни то, ни другого. Вместо этого они утешают нас, представляя собой прогрессивных элементов в России, они до такой степени проинимутся уже классовыми интересами одной социальной группы — помещичьего земства, — что не пытаются даже связать выставленным на их значении политический требования с социальными требованиями того рабочего класса, который по словам самого г-на Струве, „пронзен крестом свободы, требует ее и возмущается“ (курсив наш). Признание которых в царском манифесте требует от нас, либералов, не уклоняться от „свободы стачек“. Даже это требование, не принимая во внимание либеральной буржуа во всеобщих страданиях, даже оно должно быть добыто силами самого пролетариата и только его — наши либералы не захотели, хотя бы из приличия, надать его на своих знамена! Требуя „самой широкой amnesty“ во всякого рода государственных преступлений“, они молчат обо анти-стих тех, кто осужден за стачки, рабочие и крестьянские беспорядки. В „открытом письме“ от группы земских деятелей

(*) Повидимому до тех пор, пока самодержавие не „покажет“ нам права петиций, наши либералы не намерены пользоваться даже этим обычным средством заявления своих желаний. Ведь они не намерены сложить с легальной почвы.

(**) Для специальной цели.

(№) о недавних крестьянских волнениях говорится в сдобных фразах, которые заслуживают быть вынесенными на лбу оставшего социалиста, забывающего органы „земской партии“.

„Очевидно, революционная пропаганда в данном случае только и могла принести плоды на почве народного обывания, невежества, непонимания элементарных начал основ гражданского права“, безарный и разобщенности культурных, мирных элементов общества от народа.

Итак, агитация, впервые выходящая народным массам извне, политического сна, привнесла и дала плоды на почве невежества! К крестьянскому движению, направленному против тех „основ“ русского „гражданского права“, которые узаконили пережитой формы кабалы и безарный, отнесется, как к какому-то неслучайному случаю. Неудивительно, что те же земцы говорят об общей почве классовых и эгоистических интересов, выходящих подобно ужасному вулкану, который может каждую минуту совершить самую ужасную опустошения. Испугавшись этого страшного вулкана, который в своем извержении, нафроне, безвозвратно унесет в область прошлого и „аренду за обработку“ и политическую „мужичка“ и много других прелесть сельской жизни, наши свободоборышские покровители обещают содействовать „устройству“ государственной и народной (**) аграфии и царизма, и, напущая ужасных недоразумений, которые готовы толкнуть Россию на путь продолжительных и совершенно излишних страданий, насилий и кровопролития“ и в грозном негодовании на „блудную и неужливую бюрократию“ ставят ей в вину, что она не рассматривает, в том числе и самодержавие, которому она якобы служит. Даже самодержавие! Да, чтобы добиться себе некоторых прав силами русского народа и не поступиться при этом в пользу царизма, мы, ни одной десятой земли — для этого не следует окончательно разорвать, даже с самодержавием!

А поступаясь своими экономическими интересами г. либеральные покровители, видимо, не думают. Выговорив себе полное устроение судьбы русского народа в собрании земских представителей, они полагают, что и в свою программу вовсе не следует вводить тех „экономических“ реформ, тех жр по „рабочему и аграрному вопросу“, которые должны быть приняты в качестве политического освобождения России. Это — дело тех парламентариев, которые нас, наградят Земской Собор. В настоящее время не нужно говорить только о политических вопросах. Но и во всех политических вопросах следует теперь говорить. Так, напр., вопрос „об избирательных правах населения“ — или об отношении народных представителей к монарху имеет несомненно, не только техническое, но и принципиальное значение. Но — „гм, не меньше, уходить эти вопросы в том заявлении, которое должно написать лишь бюрократизм, и не отказываясь от своей политической программы, значило бы, как нам кажется, даться шкур неубойного еще медведя“ (курсив наш). И в самом деле: чья „даться шкуру“ политических прав за народом? Почему бы, как выражается один товарищ в присланном нами письме, не пойти в члнство? — Выступая в качестве представителей всей России, наши покровители не только не хотят связать себя обещаниями, поддерживая народ в его наступлении на самодержавие, но и не отказываясь себе в удовольствии выражать свое порицание тем, кто своим симпатическим борбой пролагает путь свободы? Как, раньше, так и теперь, пусть земцы (№2 „Освоб.“) мы остаемся противниками всякого насилия! Остудя бы оно не исходило, сверху или снизу.

Конечные с тем самым самодержавием, которому объявляем войну; страх собственности перед тем самым народом, во имя интересов которого борется для „демократии“ — реальных представителей „нации“; плохо прикрытая защита классовых интересов помещиков — наряду с громкими фразами против революционного движения и в такое время, когда все расчеты строится на его успехе! — таковы основные элементы политического направления „конституционалистов“.

В рабочей класс, ни революционная демократия вообще не могут оказать такой роли никакого политического клеще.

ВЫ И УЖЕ ДЕНЬ НАШ. ПО ДЕМИКА.

Перелона статьи 20-го № „Искры“ назвала неудовольствие так называемых „боевой организации партии социалистов-революционеров“. Эта организация утверждает нас в том, что мы выдвинули на некий, осужденный событие 2-го апреля, указав на связь между этим событием и революционной политикой правительства по отношению к учащейся молодежи. С. В. Балашев, — поправляет нас эта „организация“, был прежде всего социалом и революционером... Убедив министра внутренних дел совершенно мысля как студентом, а как членом боевой организации социалистов-революционеров, по ее постановлению и при ее непосредственном содействии С. В. Балашев исполнил исполнительный боевой организации партии, и мотивов его решения не упоминает, прежде всего в официальных заявлениях этой организации, а не в каких бы то ни было догадках и предположениях, неважно на чем основанных.

Интерес, ты сердился, стало быть, ты неправ. Мотивов решения, принятого покойным С. В. Балашевым, надо искать в его собственных словах: только обращаясь к этому источнику, мы не рискуем попасть в заблуждение, благодаря провозглашенным догадкам и „неизвестности“ чем основанных ** заявлениям.

Что же говорил сам С. В. Балашев? Он категорически утверждал на суде, что его „единственным сообщником и помощником было русское правительство“. Он ни одним словом не упоминает о „боевой организации“

(*) Курский наш.

(**) Курский наш.

В „демократической либеральной „Вестнике Европы“ г-н Слонимский высказывает о том, что всеобщее избирательное право грозит опасностями не реакционным, но „прогрессивным партиям“.

„Из искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристов Пушкину.

